

5(05)
3-43

ISSN 0130 1640

www.znanie-sila.su

ЗНАНИЕ-СИЛА®

«Knowledge itself is power» (F. Bacon)

4/2014

6+

...наша
жизнь
в заповедном
краю

Священные рощи индустриальной эпохи

Давно ли существуют на нашей планете заповедники и национальные парки? В литературе, посвященной заповедному делу, – от рекламных буклетов до академических монографий – часто можно прочитать о глубокой древности этого института. Действительно, у многих народов существовали особые территории, на которых хозяйственная деятельность по разным соображениям ограничивалась или не допускалась вовсе.

Сады богов и королей

Наиболее древней и распространенной формой такого «заповедания» были священные рощи, горы,

холмы, источники и другие природные объекты, выполнявшие роль нерукотворных святилищ. Упоминания и подробные описания таких мест можно найти у античных авто-

ров, они существовали в древней Индии и Китае, у кельтов, германцев, славян, народов Кавказа. А в XIX–XX веках этнографы нашли такие естественные храмы и у народов, не знавших цивилизации в нашем понимании, – от чукчей и эскимосов до папуасов Новой Гвинеи иaborигенов Австралии. Хотя, казалось бы, людям, постоянно живущим среди дикой природы, нет надобности как-то специально сохранять «островки дикости».

Такую потребность скорее можно было бы ожидать найти в развитых древних цивилизациях, где центром общественной и культурной жизни прочно стали города, да и сельская жизнь протекала в сильно преображеных человеком ландшафтах. Однако как раз эти культуры мало ценили первозданную природу, воспринимая ее как противоположность освоенного человеком пространства – исполненного смыслов и безопасного. Характерные для них способы обращения с естественными экосистемами были скорее методами рационального использования, назвать их «природоохранными» невозможно даже с натяжкой. Так, в древнем Риме по соседству с городами обычно располагались общественные леса – *saltus*. Они служили основным источником топлива для горожан, и для них был разработан изощренный режим лесопользования, позволявший регулярно получать с этих угодий необходимый «урожай» древесины, сохранив при этом ее источник – лес. Члены общин обладали некоторыми другими сервитутами по отношению к *saltus* – например, правом выпаса скота. Понятно, что ни о какой, даже условной «ненарушенности» таких лесов не приходится и говорить. Тем не менее в римской литературе эти «дикие» места резко противопоставляются городским землям сельскохозяйственного назначения – *ager*. Для авторов того времени существование *saltus* было скорее неприятной необходимостью – как для нас существование промзон, мусорных свалок и отстойников.

Для варварских племен, создавших в раннем Средневековье свои королевства на месте Римской империи, дикая природа (которую воплощал лес) была источником целого ряда ценных ресурсов – прежде всего мяса и меха. Кроме того, в их традиционной культуре все еще сохранялась связь между охотничьей и воинской доблестью. Этно-культурные различия своеобразно спроектировались в социальные: уделом простолюдинов (в основном потомков романизированного населения империи) осталось сельское хозяйство, охота же превратилась в прерогативу благородного сословия. Первоначально это не требовало каких-то специальных мер: лес оставался в общем пользовании, но безоружный земледелец и так не совался в него без настоятельной нужды. Если же он все-таки приходил в лес, то обычно за хворостом, лекарственными и съедобными растениями или для выпаса скотины (чаще всего свиней) – что не сильно волновало благородного господина.

Однако по мере роста населения крестьяне постепенно расширяли поля и пастбища, вырубая для этого леса. Чтобы сохранить свою привилегию, владельческие феодалы изымали наиболее обильные дичью леса из общего пользования: рубка деревьев в них запрещалась, а охота становилась исключительным правом господина (хотя при этом крестьянам окрестных деревень обычно разрешалось пасти в лесу скот, собирать хворост и недревесные продукты). Особенно усердствовали в этом направлении английские короли после нормандского завоевания: в эпоху Ричарда Львиное Сердце и его коварного брата принца Джона общая площадь «королевских лесов» составляла почти треть территории страны. Рубка деревьев, охота и даже просто пребывание в лесу с оружием (хотя бы для самозащиты от крупных хищников, еще водившихся в ту пору на Британских островах) могли не только обернуться огромным, разорительным для крестьянина штрафом, но и стоить ему жизни.

Королевская охота

Еще позднее, в конце Средневековья и начале Нового времени, когда непременным атрибутом всякой уважающей себя державы стал морской флот, правители старались вывести из «нечелевого» пользования корабельные боры и дубравы. В России такие указы издал Петр I. Он же запретил вырубку лесов по берегам судоходных рек. От этих актов традиционно отсчитывается история государственной природоохранной политики и заповедного дела в нашей стране, хотя издававший их царь-реформатор думал не о сбережении природы, а о нуждах кораблестроения и торговли.

О том, как относились к «природоохранным» усилиям монархов их подданные, исторические источники говорят довольно скромно. Зато об этом красноречиво свидетельствуют, например, английские народные балла-

ды: славный Робин Гуд обитал не где-нибудь, а именно в королевском Шервудском лесу (реально существовавшем и существующем по сей день в Ноттингемшире). Он не расставался с луком, дерзко промышлял заповедных оленей и неизменно посыпал ноттингемского шерифа – королевского наместника, в чьи обязанности входило пресечение браконьерства. Нетрудно догадаться, на чьей стороне были симпатии сочинителей и слушателей. Впрочем, английские крестьяне мало отличались от французских, немецких, русских и любых других, воспринимавших такие ограничения лесопользования как нарушение своих естественных прав и потому всегда сочувствовавших браконьерам.

Но не будем торопиться обвинять крестьян в экологической несознательности и классовом эгоизме. Они и сами нередко ограничивали пользование своими, общиными леса-

ми, и к таким ограничениям отношение было совсем иным. В словаре Даля читаем: «Заповедать лес – запретить в нем рубку; это делается торжественно: священник с образами, или даже с хоругвями, обходит его, при народе и старшинах, поют «Слава в вышних», и запрещают въезд на известное число лет». Практика временного добровольного изъятия того или иного лесного участка из хозяйственного оборота была известна опять-таки у многих народов, и эти запреты соблюдались куда строже грозных царских и королевских указов – на уровне религиозных табу (тот же Даль среди названий таких заповеданных участков приводит слово «божелесье»). В некоторых культурах применялись и постоянные запреты – так у жителей засушливых регионов часто запрещалась всякая хозяйственная деятельность на берегах водоема, служащего главным источником воды для селения.

Различных форм сбережения отдельных природных территорий в мировой истории известно множество. Зачастую их связывает с современными резерватами прямая преемствен-

ность. Легендарный Шервудский лес сегодня – природный парк. Охотничьи угодья русских царей стали основой для «Лосиного острова», Кавказского заповедника и Беловежской пущи. Наряду с зубрами и оленями в этих местах было добыто немало бесценных знаний и опыта в деле сохранения редких животных. И все же видеть в них прямых предшественников современных природных резерватов – явная натяжка: королевские леса, великолепные охоты, корабельные боры и дубравы были лишь землями особого хозяйственного назначения. Заповедное дело в его современном понимании началось гораздо позже, по историческим меркам совсем недавно – во второй половине XIX века.

Американская новинка

Первый в мире природный резерват в современном понимании был учрежден 1 марта 1872 года в США. Мотивы его создания были сугубо эстетические: экспедиция натурали-

«Дуб Робин Гуда»
в Шервудском лесу

ста Фердинанда Хейдена открыла в долине реки Йеллоустон в дикой и безлюдной части территории (еще не штата) Вайоминг тысячи поражающих воображение гейзеров, а также живописные водопады, каньоны, озера и множество других красот и чудес. Приложенные к отчету Хейдена фотографии Уильяма Джексона и особенно — красочные пейзажи Томаса Морана произвели такое впечатление на конгресс, что он принял решение навечно сохранить эти земли в их первозданном виде. Для чего учредил новый, нигде и никогда ранее не существовавший институт — национальный парк.

Кажется невероятным, что в эпоху безраздельного господства пафоса «покорения дикой природы» огромная территория была выведена из хозяйственного оборота только ради ее красоты. Но на эти земли в ту пору никто не претендовал — чего-чего, а свободного пространства на американском Западе в ту пору было куда больше, чем желающих его осваивать. С другой стороны, молодая страна, которой еще не исполнилось и века, отчаянно нуждалась в собст-

Водопад в Вайоминге

венных достопримечательностях и памятниках — если не исторических, то природных. К тому же, как тогда казалось, создать парк ничего не стоило — хоть какие-то деньги на его работу конгресс выделил лишь несколько лет спустя. Как бы там ни было, а создание Йеллоустонского парка стало важнейшим прецедентом: впервые сохранение ненарушенной природы стало не побочным результатом других целей (выполнения требований веры или сбережения ценных ресурсов для их последующего использования), а самостоятельной и основной целью заповедания территории.

Некоторое время Йеллоустонский парк был единственным в своем роде, но уже в 1890-е годы у него появляются собратья — национальные парки Секвойя и Йосемит. Еще раньше, в 1885—1886 годах первые национальные парки были созданы в соседней Канаде. В ту же эпоху такие резерваты стали появляться в азиатских и африканских колониях европейских государств: Гунунг-Геде Пангранго в Индонезии (1889), южноафриканские национальные парки Сент-Люсия, Умфолози, Хлухлуве (1897) и Саби (1898), ныне известный как национальный парк

Крюгера. А в первое десятилетие нового ХХ века эта форма охраны природы появляется и в самой Европе. В 1902 году был создан резерват Добрач в Австро-Венгрии, в 1909 — Абиску, Сарек и Гарпхюттан в Швеции.

Все эти (и многие другие, возникшие в 1910-е — 30-е годы) парки создавались примерно по тому же принципу, что и Йеллоустон, — в них включали местности с живописными ландшафтами и большим числом природных достопримечательностей. Главной задачей таких парков было обеспечить доступ к этим красотам гражданам страны, в том числе и в будущем (ради чего и вводились охрана и ограничения хозяйственной деятельности). То есть с самого начала предполагалось массовое посещение парков публикой, а естественность и ненарушенность природных экосистем были в лучшем случае одним из многих принимавшихся в расчет качеств. Иногда же без них обходились вовсе. Так, например, задачей упомянутого шведского национального парка Гарпхюттан было сохранение не природного, а традиционного сельскохозяйственного ландшафта. (В современной отечественной номенклатуре такой резерват соответствует историко-культурному заповеднику).

В России попытки сохранения нарушенных природных территорий начались примерно в это же время, но их инициаторы ставили перед собой несколько иные цели. Если в большинстве развитых стран охота к началу ХХ века превратилась в спорт состоятельных людей, то в России промысел пушных зверей оставался серьезной отраслью экономики, в которой было занято немало профессиональных охотников. Русская пушнина пользовалась высоким спросом в мире, интенсивность промысла нарастала, и к 1900-м годам даже бескрайняя сибирская тайга оказалась не в состоянии обеспечить устойчивый «урожай». Охотникам и раньше случалось временно исключать из промысла некоторые участки, превращая их в естественные питомники дичи. Новая ситуация потребовала резко увеличить размер таких зон и обеспечить

им охрану. Промысел в них предполагалось закрыть на неопределенное время или даже навечно: неограниченное размножение зверя в этих угодьях должно было увеличить его поголовье на прилегающих участках. В отличие от прежних небольших заказников такие территории стали именовать заповедниками. Для их создания и охраны было уже недостаточно договоренности между самими промысловиками — заповедность должно было обеспечить государство. Работы над такими проектами велись на Ангаре, в Саянах, в южном Приморье, но до своего крушения Российская империя успела создать только один заповедник — Баргузинский, официально учрежденный 20 января 1917 года. Впрочем, ряд подготовленных в ту пору проектов спустя несколько лет или десятилетий был реализован уже советской властью.

Особый путь России

Несколько раньше, в начале 1890-х годов знаменитый русский почтовед Василий Докучаев, с ужасом наблюдав исчезновение последних остатков европейских черноземных степей, предложил сохранить несколько уцелевших участков нетронутой степи в качестве эталона, сравнение с которым позволяло бы заметить и понять изменения, происходящие на освоенных землях. Разумеется, для этого надо было обеспечить им полную неприкословенность на вечные времена.

К сожалению, «вечность» оказалась слишком краткой: ни одна из созданных самим Докучаевым в воронежских, донецких и херсонских степях «научно-заповедных площадок» по разным причинам не дожила даже до Первой мировой. В годы революции и гражданской войны та же судьба постигла и участки, созданные по образцу докучаевских в имении графини Паниной в Саратовской губернии и в знаменитой Аскании-Нова — вотчине баронов Фальц-Фейнов, которую они превратили в природный парк.

Баргузинский заповедник

Впрочем, помимо экономической и политической нестабильности у неудачи этого опередившего свое время проекта были и иные, более глубокие причины. Предложив спасительную меру, Докучаев роковым образом ошибся в масштабе: площадь его степных эталонов составляла всего несколько десятков гектаров. Сегодня мы знаем, что сохранить степь на таком пятаке в принципе невозможно, сколь бы надежной ни была охрана. Степь может устойчиво существовать, только когда в ней пасутся стада диких копытных, которым для жизни нужны сотни квадратных километров.

Но даже если бы Докучаев знал об этом, он все равно ничего не смог бы изменить: на свете уже не было ни таких пространств травяного моря, ни его четвероногих хранителей. Последний дикий бык европейских степей – тур – погиб еще в 1627 году. А дикий степной конь тарпан в последний раз встретился человеку на воле всего за

несколько лет до закладки докучаевских площадок. Попытка спасти хотя бы остатки девственной степи неправимо опоздала.

Тем не менее именно докучаевские идеи заповедника-эталона (в современной терминологии – площадки экологического мониторинга), абсолютной неприкосновенности и постоянной научной работы как главной задачи заповедника легли в основу идеологии советского заповедного дела. Идея заповедника как естественного питомника промысловых животных это не противоречило, но ни о каком массовом туризме не могло быть и речи – даже сотрудники заповедника могли находиться на его территории только с конкретной целью и с ведома руководства. Такое понимание заповедности укоренилось только в СССР – нигде больше в мире взятие природных территорий под охрану не подразумевало полного запрета на их посещение.

С точки зрения охраны природы такая бескомпромиссность выглядит

весьма привлекательной. Много позже некоторые зарубежные специалисты даже завидовали советским заповедникам, избавленным от туристических орд и имеющим возможность сосредоточиться исключительно на охране и изучении флоры и фауны. Однако в реальности требование «абсолютной заповедности» было в лучшем случае идеалом, к которому следовало стремиться. Заповедники неизбежно вынуждены были строить на своей территории жилье, лаборатории, хозяйственные постройки и так далее, их сотрудники разбивали при своих домах огороды и держали скотину. Не были советские резерваты полностью закрыты и для посетителей. В 1970-е – 80-е годы автор этих строк неоднократно бывал в ряде заповедников и может подтвердить: даже совсем постороннего человека, явившегося без предварительной договоренности и не представляющего никакой организации, практически никогда не выгоняли из заповедника, если он ограничивался прогулками по его территории. Через некоторые же заповедники – Кавказский, красноярские «Столбы» и другие – даже проходили официальные туристические маршруты, причем весьма популярные. То есть реально эти резерваты играли роль отсутствующих в стране национальных парков.

К сожалению, отступления от идеала «абсолютной неприкосновеннос-

ти» этим не ограничивались. С 1920-х годов в СССР (как, впрочем, во многих странах мира) проводились эксперименты по акклиматизации различных видов животных: ондатры, нутрии, американской норки и других. Базой для этой работы (представлявшей собой, если называть вещи своими именами, *преднамеренное биологическое загрязнение естественных экосистем*), как правило, служили заповедники – именно там выпускали на волю партии вселенцев, фиксировали динамику их расселения и по возможности помогали ему. В то же время в заповедниках (как и за их пределами) велась борьба с «вредными животными», прежде всего с волком и другими крупными хищниками. Их не только отстреливали круглый год без всяких ограничений, но и истребляли капканами и отравленными приманками – от которых гибли отнюдь не только волки. По мнению современных зоологов, именно широкое применение отравы в 1950-х годах было последней каплей, довершившей окончательное истребление леопарда на западном Кавказе.

Особенно интенсивно вовлечение заповедников в «преобразование природы» практиковалось в 1940-е – первой половине 1960-х годов. В заповедниках испытывались гербициды (приводившие порой к полному уничтожению луговой растительности), высевались

Горила в национальном парке Альберта

культурные растения, проводились опыты по скрещиванию диких копытных с домашним скотом (один из таких проектов стал основой для знаменитой повести Фазиля Искандера «Созвездие Козлугура»). По сути дела государство (а часто — малограмотные авантюристы, получившие полномочия от государства) лишало заповедники возможности выполнять свое предназначение. Вершиной этой политики стал фактический разгром системы заповедников в 1951 году, когда их число было сокращено более чем вдвое, а общая площадь — в 11 с лишним раз.

Дороги сходятся

Тем временем в остальном мире развивалась концепция национальных парков. Уже с 1920-х годов они начинают понемногу переходить от простого ограничения хозяйственной деятельности к серьезной научной работе и целенаправленному восстановлению редких и исчезающих видов. Пионером тут можно считать американского таксидермиста Карла Экели, который не только добился в 1925 году создания в тогдашнем Бельгийском Конго национального парка Альберта для спасения последних уцелевших горилл, но и впервые в мире (если не считать советских заповедников, опыт которых был тогда совершенно неизвестен за рубежом) сделал центром деятельности резервата не туризм, а научные исследования. По мере обострения экологических проблем и накопления опыта работы самих парков научная и природоохранная деятельность играла в них все более важную роль. Изменились и принципы заповедания: инициатива взятия под охрану тех или иных природных территорий все чаще исходила от ученых, созданию парка предшествовала серьезная научная проработка. А при выборе территорий все большую роль играли не живописность, а ненарушенность, видовое богатство, экологическая уникальность — то есть именно те принципы, которыми руководствовались создатели советских

заповедников. Появилось понимание необходимости зонировать территорию парка, выделяя в нем районы полной неприкословенности.

В СССР, где сеть заповедников начиная с 1960-х годов понемногу залечивала раны, взгляд на заповедное дело тоже менялся. С 1971 года наряду с заповедниками в стране создаются и национальные парки — сначала в союзных республиках (Эстония, Литва, Армения), но в 1983—1986 годах несколько национальных парков появились и в России. Вокруг заповедников возникают охранные и буферные зоны, режим которых сходен с режимом национального парка. По сути дела две концепции охраняемых природных территорий развивались навстречу друг другу. Реформы 1990-х подстегнули процесс трансформации заповедников: оказавшись на голодном денежном пайке и без надежной государственной защиты, заповедники вынуждены были искать новые формы работы, которые обеспечили бы как дополнительные доходы, так и социальную поддержку. Практически во всех российских заповедниках в это время появляются отделы экологического просвещения, центры приема посетителей, размеченные и более-менее обустроенные маршруты для экскурсий и туризма, лавки с сувенирами и прочие характерные атрибуты национальных парков.

Сегодня во всех странах принята точка зрения, согласно которой современный резерват (или группа резерватов, образующих единый массив) должен одновременно быть эталоном естественных экосистем, убежищем для находящихся под угрозой видов, местом проведения регулярных исследований, зоной отдыха и познавательного туризма и просветительским центром. Эти дополняющие друг друга (и в то же время чреватые систематическими конфликтами) задачи определяют выбор места для создания новых резерватов, их внутреннюю структуру и режим охраны.